

Духи и терпимый буржуазный мир

И Жизнь, и Слезы, и Потемки

Моск. правда. — 1993, — 29 дек. — с. 2.

Что-то трудности у меня возникают, когда пытаюсь вспомнить хотя бы парочку имен наших «господ деятелей музыкальной культуры», которым удалось бы поженить кондичионную текстовку с мелодикой, дарующей хотя бы дозированные переживания. Я не собираюсь петь оду Потемкину: извините-с, являюсь классическим продуктом нигилистического века, и на позитив меня так просто, братцы, не подбить. Не собираюсь живописать посредством алмазной лексики. Я голову ломаю над другим: вот сколько его, Андрея, достанет по этой стезе идти? Ну, стезя особенная. Курс — на полную суверенность, без компромиссов, могущих отозваться на уровне первого и последнего куплетов. А вы сами небось знаете, что стало с теми, кто дерзнул на эту тропинку.

Потом, сам Потемкин не скрывает рефлексии, не скрывает случаев штопора от самокритической зависимости. И-шире-от окна, с утра занавешенного рванью туч.

Что до окна с тучами, так ведь все наперерыв советуют: не пой, «КРАСАВЕЦ», печальных песен. Не к лицу. И даже не столько этот довод, сколько — «тебя не поймут, ты должен лихо плясать, с шиком бряцать на лире и улыбаться по-американски, во все тридцать два!» Это рефрен окружения, и было бы кривдой заявить, что Потемкин, стяжавший бессмертия статус озорной «Фаиной» в исполнении шальных нанайцев, чужд славному шухеру. Примеров, доказующих его пионерскую бесоватость, пруд пруди плюс конституция, выдающая в нем живчика, исключая возможность ровного поведения и застегнутости на все пуговицы. Это было бы неправдой. Просто Потемкин, вишь, уверен, что все кругом — оно не одноцветно, не одноклеточно, чай, не инфузория, которая ту-

Фото Алексея Безроднова.

фелька. Потемкин, вишь, убежден, что красок много и стереотипов нет. Утром ты был жиденький (после чего ты был такой — давай опустим), и в голове нарождалась печальная мелодика, на которую славно наложился бы текст про какой-нибудь «мир обманутого сердца» или про финиш пляжного сезона... А днем, глядишь, после звонка закадычника, кровь начала закипать, и кажется, что все твои проблемы с неудавшимися песнями, с незадавшимися фортепианными обработками — плевые.

Он признал, что у него случаются срывы, я несказанно обрадовался счастью-союзнничеству. Тривиально, да, но как-то... близость начинаешь чувствовать: ага, из того же хрупкого материала малый соткан. Живой.

Его сольный прорыв есть шедевр юношеской бестрепетности, которая иногда бывает и деструктивным фактором, но прибегаешь к ней, когда недосуг думать о деструктивности: когда жизнь прижмет, желая окоротить твою самооценку.

Его немножко угнетает по-каместная невозможность выказать свою нетленную, загадочную душу посредством искренней печали. Приходится много и красочно петь о том, как вырашивать золотые груши на вербе.

А мне он спел в приватном порядке, под вечерние клавиши, то, что слагается «для души» — песни на стихи Левитанского, про которые, когда я

был на несколько световых лет моложе, я всегда думал, что их-то на музон не переложить: мощь непосильной окажется... Ан, Потемкин переложил, если хорошенько попросите, смущаясь, он вам наиграет, напоеет, и атмосфера немножко, я обещаю, наэлектризуется. Андрей говорит: «Из-за стихов». Но мы-то знаем, что первым делом надо бежать простых оценок.

У него много времени (я даже не спрашивал, по нему видно) уходит на «раскошегаривание» души. Благодарение Богу, есть команда с приставкой «мини», которая въезжает в потемкинский тон, и его звучание получает подкрепление в виде шальных па.

Вообще его курс, взятый на цельность, немного смущает: такой курс, он в нашей музыкальной среде непривечаем. В ней, в среде, «ушей очарование» почитается другое. Но Потемкин, ностальгически вздыхая о времени начала, говорит, что в этой среде все изменилось в нелучшую сторону, и эта среда ему не указ, она вызывает желание избежать ее, как умный человек избегает лозунговую классику.

Если правда, что драму жизни можно преодолеть двумя способами — религией и иронией, — то правда и то, что наш персонаж, отменно обладавший вторым, не делает вид, что бывают моменты, когда... значительно помолчим.

В течение двух часов мы успели поговорить об отставке у любимых, о рейтинге поэтов заветных, об именах сценических, о типах женской красоты, о текущих ценах, только что не о системах гаубиц... В связи с этим эпическая концовка (приготовились?): Потемкин хочет обнаружить свою внутреннюю пестроту, соединяя стёб и современные культбиты, экстремизм поведения и благородную простоту игры на рояле (можно под негромкий саксофон).

Отар КУШАНАШВИЛИ.